

«Летописной повести», восходившей в свою очередь к апокрифическому «Слову на Рождество Христово о пришествии волхвов». ⁶⁸ Но А. В. Соловьев справедливо заметил, что этот эпизод «Слова о житии» в некоторых чтениях текстуально ближе к тексту самого «Слова на Рождество Христово о пришествии волхвов», чем к «Летописной повести», и что, по-видимому, автор «Слова о житии» непосредственно обращался к «Слову на Рождество Христово». ⁶⁹

Итак, «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Слово о житии» имеют целый ряд параллелей. И «Летописная повесть», и «Слово о житии» пользовались одними и теми же источниками — Летописным сводом 1409 г. (Троицкой летописью), Повестью об Александре Невском, паремийным чтением о Борисе и Глебе, «Словом на Рождество Христово о пришествии волхвов». ⁷⁰ Такое совпадение в выборе источников не могло быть случайным, о связи обоих произведений говорит особенно такой, казалось бы не имеющий непосредственного отношения к описанным событиям их источник, как «Слово на Рождество Христово о пришествии волхвов». Есть основания предполагать, что «Летописная повесть» о Куликовской битве действительно предшествовала «Слову о житии» и оказала на него влияние. Так, например, извлечение в «Слове о житии» из «Слова на Рождество Христово о пришествии волхвов» столь незначительно и к тому же настолько растворено в риторическом пассаже самого памятника, что узнать этот источник без указания «Летописной повести» практически невозможно. В то же время «Летописная повесть» о Куликовской битве извлекла из «Слова на Рождество Христово о пришествии волхвов», помимо интересующего нас отрывка, еще целый ряд значительных фрагментов, по которым этот источник узнается без труда. ⁷¹ И «Слово о житии», воспользовавшись указанием «Летописной повести», могло самостоятельно к нему обратиться. Кроме того, в «Летописной повести» несколько раз упоминается выражение «съветники». ⁷² В «Слове о житии», где речь идет о «наваживании» Мамаю на князя Дмитрия, наговорщиками также называются некие «лукавые съветники», «иже крестьяньскую веру дръжаху, а поганых дела творяху». Кто они такие — из контекста не ясно. Между тем в «Летописной повести» «съветники» Мамай — лица вполне определенные. Это князь литовский Ягайло, князь Олег Рязанский, которого за обманные действия по отношению к Дмитрию Донскому автор именует «лукавым сыном», «поборником бесерменским». Таким

⁶⁸ Там же, стр. 87—88. — Отголоски «Летописной повести» в «Слове о житии» В. П. Адрианова-Перетц находила и в описании Куликовской битвы. Однако, как уже говорилось выше (стр. 95), некоторые сходные чтения в рассказе о Куликовской битве появляются в «Летописной повести» лишь на поздних этапах ее истории.

⁶⁹ А. В. Соловьев. Епифаний Премудрый как автор «Слова о житии...», стр. 101—102. Может быть, к «Слову на Рождество Христово о пришествии волхвов» восходит и чтение «Слова о житии»: «слыши небо, внуши земли! Како въспвшу ти...»; ср. «слыши небо и внуши земле! О земле, воспившая древяле за кровь Авеля» (И. Я. Порфирьев. Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки. СПб., 1890, стр. 163).

⁷⁰ Об источниках «Летописной повести» см.: М. А. Салмина. «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина», стр. 364—369.

⁷¹ Сопоставление «Летописной повести» со «Словом на Рождество Христово о пришествии волхвов» сделано В. П. Адриановой-Перетц (см.: В. П. Адрианова-Перетц. «Слово о житии...», стр. 87—88).

⁷² См.: 1) «...также с Мамаем вкупе... литовский Ягайло... с ними же в единчестве Олег Иванович, князь Рязанский; с всеми сими светники поиде на великого князя Дмитрия Ивановича...»; 2) Мамай «ожидаше своего нечестивого съветника (список А) литовскаго»; 3) «...рече Мамай: ... станемь у Дону противу князя Дмитрия, доколе приспее к нам съветник наш Ягайло...» (разрядка наша, — М. С.) (ПСРА, т. IV, ч. I, вып. 1, стр. 311, 314, 316—317).